

ЧТО СДЕЛАЮ Я ДЛЯ ЛЮДЕЙ?

Тот, кто любит литературу и болеет душой за литературу местную, ставропольскую, вряд ли прошел мимо новой книги Г. Шумарова «Письма идут медленно» (Ставропольское книжное издательство). Но так же, как и предыдущая — «Круглый стол на пятерых» («Советский писатель»), — эта книга опять вызывает чувства очень противоречивые. Попробуем разобраться, в чем дело.

Критика уже отмечала, что, стремясь создать образы людей мужественных, бескомпромиссных, настоящих, показать жизнь во всей ее сложности, Г. Шумаров не смог избежать прямолинейности, упрощенности решений, а иногда шаблонности характеров и ситуаций.

В новой книге чувствуется стремление писателя преодолеть эти недостатки, сделать своих героев более земными, живыми, близкими читателю. В повести «Из двух зол» один из героев говорит: «Критика почти всегда права в том смысле, что надо больше думать о творчестве. И о людях. Надо помогать людям жить на земле». Нам кажется, это кредо самого автора. И потому, как серьезно он относится к творчеству, и потому, что он много думает о людях, любит их и хочет им помочь. Это почувствовал, очевидно, каждый, кто читал Г. Шумарова.

Читатель относится к книге, как к учебнику жизни. Это не значит, что в каждом художественном произведении даны ответы на все вопросы бытия. Писателю далеко не всегда под силу решить все проблемы, выдвигаемые жизнью, временем. Но если ему есть что сказать людям, он должен об этом сказать. Г. Шумарову есть что сказать людям. В его новой книге подкупает-настоящее, без сюсюкания, человеколюбие, умная и светлая ирония. Автор уверен и хочет уверить других, что мир прекрасен. Хороших, красивых людей гораздо больше, чем ничтожных людишек.

И пишет Г. Шумаров для людей

хороших, желая их уверить, что быть человеком, человеком с большой буквы, может, обязан каждый. Независимо от того, утонченный ли ты интеллигент или деревенская девушка. Это не так уж трудно. Сколько же россыпей золотых в душе человеческой! («Улица, которую я люблю»). Жизнь сложна. Но есть великий закон справедливости, и каждому воздастся по заслугам. В рассказе «Сон Мишки Шуртакова» особенно сильно звучит эта вера в право человека на счастье, убеждение, что счастье это в красоте человеческих отношений, в умении человека быть сильным, великодушным. Г. Шумаров не унижает людей жалостью. Да, жизнь сложна. Иногда человека затягивает тряпина мелочей. Но от него зависит стряхнуть с себя тину и вернуться к своей горе Озарения, с вершины которой он отправился в юности в открывшийся перед ним мир. Мысль повести «Из двух зол» — сохрани в себе все хорошее, что когда-то было в тебе, сумей хотя бы не стать хуже, чем был, — звучит страстным призывом и находит отклик. Будь верен себе, если ты прав, чего бы это ни стоило, найди себя, если еще не нашел, сам найди — мысль повести «Дожди».

В утверждении, что человек сам себе хозяин, что он сам должен навести порядок в своей душевной канцелярии, есть доля суровости. Но суровость эта уравновешивается теплом тех строк, которые посвящены любви. Пожалуй, это самое главное и ценное в книге — мысль о необходимости любви. С каким-то вдохновенным целомудрием говорит автор о женщине, о «культе личности» в любви, о доверии, о чистоте и верности. Это то, без чего нельзя жить, нельзя быть человеком (рассказы «Будем бродить всю ночь», «Улица, которую я люблю», «Парень, живи!», «Сон Мишки Шуртакова»).

Вот что хочет сказать писатель людям. Тем досаднее, что ему не всегда удается воплотить эти выстраданные свои

мысли в живые образы. Положительные герои Г. Шумарова, которые по идее должны вызывать симпатию читателя Чугунов («Из двух зол»), Егор, Наташа («Горячие ветры»), Лена («Дожди»), симпатии этой не вызывают. А декларация, как бы хороша она ни была по содержанию, остается только декларацией. Г. Шумарову не удалось полностью изжить схематизм, но в то же время его новая книга привлекает своим психологизмом: форма исповеди становится основной. И это не приманка для незадачливого читателя. Автора по-настоящему интересует диалектика души человеческой, он пристально изучает ее, наблюдения его интересны. Писателю не откажешь в знании души человека, будь то душа ребенка или душа женщины, не откажешь ему и в умении немногословно передать настроение героя. Два-три штриха — и вы чувствуете смену настроения: то зрительный образ вызвал нужную ассоциацию, то вдруг начинаешь чувствовать аромат строчек и слов. («Осень стояла властная, но в полдень степь становилась почти знойной. Пахло уходящим летом, близкой, затяжной мокретью, ребячьими кострами», «В подвернувшемся магазине Борису отвесили дешевых конфет в размалеванный пакетик. От подушечек пахло детством, деревенской лавкой, откуда бабушка приносила ситчик и разные гостинцы», «Ночь была серой, с нечеткими контурами домов и ранней тишиной — огромная несогревшаяся ночь»). Удачны названия рассказов и повестей. Они и символичны, и помогают вызвать у читателя определенное, нужное автору настроение.

Деликатнейшим проникновением в сокровенные уголки души, умением тонко передать ее трепет отличаются лучшие рассказы Г. Шумарова «Будем бродить всю ночь», «Сон Мишки Шуртакова», «Парень, живи!». Они интересны и по мысли, и по композиции.

Но порой создается впечатление, что психологический анализ превращается для автора в самоцель. Так, рассказ «Принеси из-за выюг весну» по замыслу поэтичен. Писатель, как бы споря

с невидимым оппонентом, хочет уверить читателя, что живо еще чувство, в возможности существования которого в наш сложный век некоторые начинают сомневаться. Чувство это — бессмертное чувство любви. Однако рассказ, в конечном счете, сводится к любованию сложностью человеческой души, в которой любовь может ужиться с жестокостью и эгоизмом.

Внутренний мир человека, жизнь его души и тела — кто будет спорить, что это не вечная тема искусства? Но в большом искусстве эта тема никогда не отрывается от проблем общественных, К сожалению, герои новой книги Г. Шумарова за редким исключением уклоняются от решения вопроса: «Что сделаю я для людей?» В этом устранении героев от решения больших общественных проблем — главная причина неудачи, которая постигла писателя. Особенно в повестях. Повесть не рассказ. Этот жанр требует более глубокого анализа жизненных явлений, четких позиций автора.

Перечитаем повесть «Дожди». Сергей отнюдь не герой времени, он принадлежит к той части нашей молодежи, которая вызывает тревогу у старшего поколения. Как будто и не тунеядцы (учатся), и увлечения есть (спорт, искусство), не глупы — за острым словом в карман не полезут, но ходят они какие-то неприкаянные и не поймут, что им собственно нужно от жизни.

Помочь им трудно: они не хотят помощи, замкнулись в своем одиноком величии, до «предков» только снисходят, считают их людьми иной эпохи: «святая правда отцов» у них «в горле комом стоит»: есть такие молодые люди, пройти мимо них писателю нельзя. И о них пишут. Писателя не может не тревожить подобное явление в нашей действительности. Естественно ждать от него попытки проникнуть в причины появления подобных характеров. Г. Шумаров берет своего Сергея таким, какой он есть, и наблюдает за ним, следит за развитием, становлением его характера, пытается понять этого человека.

Вот история его сердечных блужданий между двумя девушками. Белла вошла в жизнь Сергея с рюмкой в руке, которую она умела держать, как богиня. Эта девочка, у которой «хватало ума» кокетничать по классическим образцам Рафаэля, «обладала массой недостатков, но в трудную минуту умела утешить по-женски». Вряд ли читатель согласится с героем: «Сердцеведы и моралисты, если они будут по-прежнему ханжествовать, так и не смогут ответить на вопрос, почему у идеальной жены со временем появляется вовсе не идеальная соперница». Мысль эта приходит Сергею в трудную минуту, когда тот зол на себя, сознавая свою собственную «неидеальность», хочет оправдать себя и понимает это («Было бы просто спасением,— признается он себе,— обнаружить, что не ты виноват, а люди, которые тебя окружают. Но если напрасно обвинял других, то все равно проявил бдительность — и простит тебе история»). Создается впечатление, что автор согласен с рассуждением героя относительно идеальных жен. Но герой-то еще и жены не имел и не может достоверно знать, что «идеальная» жена не способна утешать «по-женски». В книге не повезло не только «идеальным» женам, но и «глубоко порядочным» мужьям: «Когда нам надоедают наши глубоко порядочные мужья, мы вспоминаем, что у нас была первая любовь. До этого мы называли ее увлечением» («Парень, живи!»), Такие психологические «откровения» ради красного словца не редки в книге, к сожалению.

Как объясняет автор разрыв Сергея с Леной? «Лена, ведь я любил тебя, а ты не поверила. Ты сказала, что все это сейчас модно, словно меня передо мной же оправдывала. Лучше бы позвала милиционера... Может быть, поэтому на завтра я снова встретился с Белкой». Значит, виновата Лена. Она не поняла, что в Сергее произошел переворот,— он понял, что любит, наконец-то, любит, хотел рассказать ей про свою любовь «губами, руками». Лена же расценила это как «модерн» в человеческих отношениях и прогнала Сергея, потому что ей нужна

была другая любовь. Так что же возмутило Сергея? То, что Лена не поверила «губам и рукам», или то, что оправдывала его перед ним? В отношениях людей действительно много сложного. Но не превращается ли здесь сложность в излишнюю усложненность? На самом же деле люди просто разучились говорить друг другу о своих чувствах, не доверяют друг другу. А может быть, они разучились чувствовать? А если так, то в чем причина? Во всяком случае, не веришь ни в чувства Сергея, ни в чувства Лены. Да и невольно закрадывается мысль, что эта усложненность нужна автору... для интриги. Та же надуманность и в повести «Горячие ветры», самой слабой, на наш взгляд. И в одной, и в другой повести автор пытается затронуть общественные явления, важные жизненные проблемы, которые могли бы сделать его психологические наблюдения действительно интересными, но эта попытка — только попытка затронуть, а не объяснить эти явления. Во всяком случае объяснения эти противоречивы, беглы и неубедительны.

То же и в повести «Из двух зол». Художник Чугунов, мечтавший когда-то «писать Россию», расписывает гостиницу. Галина, знавшая и любившая его в юности за его романтизм, самобытность, была поражена, увидев «стилизованные панно — чайки над островным морем, женщину с невероятной кистью винограда». В газетной заметке о Чугунове она прочла, что он «правильно» воспринял критику общественности и, имея возможность в течение длительного времени изучать наш край, пришел к иной творческой концепции...» И Галина думает с грустной иронией: «Оставаясь в душе прекрасными, мы оба допустили над собою власть вещей. Рыба ищет, где глубже...» Почему люди изменяют себе? Что это за власть вещей? Что ей противопоставить? Читатель ждет ответа на эти вопросы, но автор уклоняется от ответа: он неожиданно для читателя делает попытку доказать, что герой его вовсе не изменил себе. Чугунов объясняет Галине свое «падение» тем, что, узнав о ее

замужестве (на которое он, собственно, сам толкнул ее), он на какое-то время «потерял крылья». Потом, оставшись без ноги (задерживал вооруженного рецидивиста), вернулся из дальних странствий по родной стране домой, к матери. Тут и предложили ему «придумать что-нибудь для гостиницы». «Я мог бы сказать тебе,— говорит Чугунов Галине,— что в ту минуту вспомнил Леонардо да Винчи, который учил художников оберегать в себе черты любителя, не подверженного гипнозу гонорара. Может, я действительно вспомнил Леонардо, но не это главное. Да и работать мы договорились на общественных началах. Просто я хотел честно сделать свое дело, хотя мне было ясно, что работа предстоит такая... развлекательная. Назови это отступлением, я не обижусь. Мне надо было с чего-то начать. Не многие начинают с вершин. А я до этого считал, что начал с горы Озарения... Честно говоря, я приехал к матери если не растерявшим себя, то растерянным...»

Итак затронут большой, можно сказать, «проклятый» вопрос — почему иногда люди изменяют себе, становятся хуже, чем были в юности? Но автор уклоняется от прямого ответа на этот вопрос. Призывая героев «вернуться к себе», он в то же время как бы оправдывает их «отступление» от своих идеалов.

Г. Шумарова упрекали в прямолинейности, в том, что он дает облегченные решения. В новой книге другая крайность — завуалированность решений, этакая красивая туманность. А в результате нарушается психологический контакт с читателем.

Устранение от решения настоящих жизненных конфликтов приводит автора к тому, что причины неурядиц в жизни людей он ищет в самом человеке, уходит в область психологии и физиологии. В поступках людей много, дескать, безотчетного. А это, в свою очередь, приводит автора к нарочитой усложненности, противоречивости, сомнительным выводам.

В рассказах «Будем бродить всю ночь» и «Письма идут медленно» автор за глубокое чувство, которое несовместимо с обильными словоизлияниями. Да, это стиль, а может быть, мода нашего времени: люди стыдятся быть сентиментальными. Подмечено верно. Г. Шумарову импонирует эта сдержанность в проявлении чувств. «Внутренняя человеческая логика должна быть понятна и без слов неглупому другу»,— считает герой повести «Из двух зол» Чугунов. Но ведь эта суровость, сдержанность чувств по сути стала причиной его разрыва с любимой женщиной, а в результате — три человека несчастны (если же вспомнить ребенка, родителей — то и больше). Вот, думаешь, сейчас писатель по праву старшего, умудренного жизненным опытом человека, наконец, скажет: «Люди, ради всего святого, не усложняйте вы своих отношений. Говорите друг другу хорошие слова, согревайте друг друга теплом своей нежности, не терзайте недоговоренностью, не обкрадывайте себя». И действительно, Галина говорит Чугунову: «Знаешь, даже самой утонченной женщине хотелось бы слышать об этом (о чувстве) простые и прямые слова».

И все же автор за усложненность (вспомним, как он оправдывает разрыв Сергея с Леной в повести «Дожди», да » суровой сдержанностью Чугунова он любит, хотя и понимает, что она граничит с жестокостью, эгоизмом).

И все же в том, что пишет Георгий Шумаров, есть много такого, что не позволяет с чистой совестью произнести окончательный приговор, легкою рукою начертать слова «фальшь», «серость», «пошлость» и т. п. Книга Г. Шумарова вызывает тревогу, заставляет думать, искать причины неудач многих и многих авторов, пишущих о людях сегодняшнего дня.

Г. Шумаров об одном из своих героев говорит: «Пока в жизни» более приходится усложнять, чем распутывать — до того он молод». Издержки «молодости» неизбежны и у писателей. Хочется верить, что время поможет Г.

Шумарову углубить свои жизненные наблюдения, что мы вновь встретимся с его героями, как с хорошими товарищами, чтобы обменяться мнениями о людях, о жизни, о себе. Они станут проще и лучше. И тогда исчезнет тревога за дальнейшую судьбу писателя, несомненно одаренного.

ЛИДИЯ АНОХИНА.